

Королькова Яна Владимировна

ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ТРИЛОГИИ М. УСПЕНСКОГО О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЖИХАРЯ

Статья посвящена типам прецедентных феноменов, обыгрываемых в романах-фэнтези М. Успенского о Жихаре. Предпринимается попытка не только перечислить факты культуры, ставшие для фантаста объектом игры, но и типологизировать их. Выявляется, что автор апеллирует к носителям разных типов речевой культуры: элитарного, среднелитературного, разговорного.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 99-101. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-31

Филологические науки

Статья посвящена типам прецедентных феноменов, обыгрываемых в романах-фэнтези М. Успенского о Жихаре. Предпринимается попытка не только перечислить факты культуры, ставшие для фантаста объектом игры, но и типологизировать их. Выявляется, что автор апеллирует к носителям разных типов речевой культуры: элитарного, среднелитературного, разговорного.

Ключевые слова и фразы: комическое фэнтези; прецедентные феномены; интертекст; типы речевой культуры; языковая игра.

Королькова Яна Владимировна

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
korolkovatomsk@yandex.ru*

**ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В ТРИЛОГИИ М. УСПЕНСКОГО О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЖИХАРЯ®**

В современном отечественном фантастиковедении имя Михаила Успенского связывают с зарождением и развитием русского «юмористического»/«иронического»/«комического» фэнтези. Авторы критических статей, научных работ, посвященных этой разновидности фэнтези, неизменно обращаются к анализу произведений М. Успенского или хотя бы упоминают их в ряду других текстов [4, с. 1163; 10, с. 73; 11, с. 399-400]. Критик В. Гончаров, предпринимавший попытку выявить традиции комического в фантастической литературе, особо выделяет творчество М. Успенского: «Создается впечатление, что вся российская юмористическая фэнтези разделилась на два неравных лагеря: Михаил Успенский – и все остальные» [2, с. 273]. Фантастиковед Е. Н. Ковтун в небольшой по объему главе (чуть более двух страниц) учебного пособия рассматривает особенности «иронического» фэнтези преимущественно на примере романов М. Успенского [5, с. 356–358]. Интерес разных исследователей к творчеству одного автора заставляет размышлять о причинах его популярности.

Особое внимание фантастиковедов привлекает трилогия о приключениях богатыря Жихаря, состоящая из романов «Там, где нас нет» (1995) [14], «Время Оно» (1997) [12], «Кого за смертью посылать» (1998) [13]. Все авторы немногочисленных критических статей и рецензий отмечают характерную черту поэтики романов М. Успенского – игру с множеством прецедентных феноменов (термин В. В. Красных [6]). Осознанно или неосознанно избегая обобщений, они создают своеобразные «каталоги» прецедентных феноменов, ставших для фантаста объектом игры [1; 3; 8; 9].

Наша цель – выявление типов прецедентных феноменов, обыгрываемых в трилогии о Жихаре, в их соотношении с разными типами воспринимающего сознания, что может способствовать объяснению популярности творчества М. Успенского у читателей с разными литературными вкусами.

Круг прецедентных феноменов, с которыми играет М. Успенский, достаточно широк: это и мифология (скандинавская, славянская, греческая, древнеиндийская, шумерская и пр.), и литература (от древнерусских апокрифов, произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Островского, А. А. Фадеева до современных боевиков и любовных романов), и философия (идеи Канта, Гегеля), и кинематограф («Белое солнце пустыни», «Место встречи изменить нельзя», «Терминатор» и др.), и песни («Интернационал», «А у нас во дворе», «Баллада о матери», «Here Comes the Sun» и др.). Приведенный (далеко не полный) список обыгрываемых фактов культуры дает основания говорить об их неоднородности как во временном (от древности до наших дней), так и в ценностном («элитарное» – «массовое») отношении.

Кроме того, названные прецедентные феномены неоднородны по степени их узнавания среднестатистическим массовым читателем, который является основным адресатом произведений фэнтези. Фоновые знания массового читателя могут складываться из разнообразных сведений школьной программы, из восприятия современной действительности, поэтому за их пределами могут оказаться прецедентные феномены, которые не востребованы большей частью читательской аудитории, знание которых требует специальной подготовки. Это дает основания полагать, что М. Успенский, обыгрывая в романах множество прецедентных феноменов, апеллирует к разным типам воспринимающего сознания с разными уровнями знаний.

Лингвист, исследовательница теории интертекстуальности Н. А. Кузьмина отмечает, что выявление «чужого» слова в тексте становится возможным при условии сформированности «интертекстуального тезауруса языковой личности». Под этим термином понимается «совокупность всех тех элементов, которые говорящий субъект считает «ужими» при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний/текстов» [7, с. 190]. Исследовательница выделяет особый вид компетенции – интертекстуальную, которая позволяет субъекту «кодировать и декодировать интертекстуальные знаки» [Там же].

Н. А. Кузьмина связывает уровни развития интертекстуального тезауруса и интертекстуальной компетенции с разными типами речевой культуры носителя языка. Опираясь на классификацию типов речевой

культуры, предложенную лингвистом О. Б. Сиротининой, Н. А. Кузьмина уделяет особое внимание категориям прецедентных текстов, составляющим интертекстуальный тезаурус каждого типа.

Первый тип речевой культуры, выделяемый О. Б. Сиротининой и Н. А. Кузьминой, называют элитарным. Он предполагает «хотя бы пассивное владение достижениями мировой и национальной культуры (знание артефактов материальной культуры, знакомство с литературными шедеврами, шедеврами искусства, хотя бы представление о гениях науки и т. д.)» [Там же, с. 191].

Для носителей второго типа речевой культуры – среднелитературного – по наблюдениям ученых, «в качестве прецедентных текстов выступают телевидение и другие средства массовой информации, а также популярная литература нередко –макулатурного” типа» [Там же].

Для разговорных типов речевой культуры, по словам Н. А. Кузьминой, «сознательное воспроизведение –культурного” слова вообще нехарактерно» [Там же].

Представляется допустимым при анализе типов прецедентных феноменов, актуализируемых в трилогии М. Успенского, использовать предложенную исследователями-лингвистами типологию речевой культуры.

В интертекстуальном поле романов М. Успенского обнаруживается множество отсылок к прецедентным феноменам, составляющим области знаний образованного человека: к «серьезной», классической литературе, мифологии, фольклору, живописи, философии, истории и пр. Эти прецедентные тексты, имена, ситуации, высказывания характеризуются в культуре достаточно высокой ценностью, востребованностью, частой воспроизводимостью.

Исходя из типологии О. Б. Сиротининой, можно было бы полагать, что М. Успенский, обыгрывая их, апеллирует к читателю, который является носителем элитарного типа речевой культуры. Однако ощущается внутренняя неоднородность прецедентных феноменов, обусловленная разными категориями читателей, способных идентифицировать их как прецедентные.

В трилогии М. Успенского обнаруживаются интертекстуальные отсылки к множеству текстов, составляющих так называемый «образовательный канон» и охватывающих разные сферы знания, изучаемые в рамках школьной программы. Думается, именно информация, полученная во время обучения в школе и в университете, формирует ядерную часть фоновых знаний массового читателя, не являющегося специалистом в области культурологии. С ориентацией на обобщенное представление о фоновых знаниях читателя автор трилогии обращается к широко известным феноменам культуры: славянской и греческой мифологии, загадкам, пословицам, сказкам, произведениям А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова и пр.

Среди прецедентных феноменов, составляющих, по О. Б. Сиротининой, знания носителей элитарного типа, можно выделить и те, которые идентифицируются читателем, получившим специальное образование. Вероятно, только специалист-филолог (за редким исключением) сможет в полной мере оценить мастерство М. Успенского, который обыгрывает в трилогии имена фольклористов В. Я. Проппа и Д. Фрэзера, сюжеты древнерусских апокрифов, средневековой китайской прозы, нереализованные наброски трагедии М. Ю. Лермонтова. Указанные прецедентные феномены отличаются тем, что известны гораздо меньшему количеству читателей и находятся на периферии, если не за пределами, фоновых знаний массового читателя. Знание прецедентных феноменов именно такой категории хотелось бы назвать одним из признаков носителя собственно элитарного типа речевой культуры в силу семантики слова «элитарный».

Можно выделить еще одну разновидность объектов интертекстуальной игры в романах современного автора – это факты массовой культуры (песни, фильмы, комиксы, тексты рекламы, массовая литература). Они достаточно легко опознаются массовым читателем, так как являются частью окружающей действительности, активно воспроизводятся во времени и пространстве. Опираясь на лингвистическую типологию, можно считать их апелляцией к носителям среднелитературного типа речевой культуры, к которому, по наблюдениям Н. А. Кузьминой, «принадлежит большинство образованного населения России» [Там же].

М. Успенский находит способ заинтересовать также представителей разговорных типов речевой культуры, которые не могут опознать и идентифицировать интертекстуальные знаки. В трилогии о Жихаре способом развлечения читателей этого типа выступает описание множества комичных ситуаций, в которых оказываются герои: «Беломор достал кусок мела и быстро, не глядя, начертал на столешнице замысловатую фигуру на пять углов. Белые линии засветились, между ними восстали ниоткуда маленькие, но очень противные существа, пучеглазые и скалозубые.

Богатырь решительно полез под стол с твердым намерением не даваться живым» [14, с. 63]. Смех читателя должна вызвать неожиданная реакция героя-богатыря на появление странных существ.

К таким комичным ситуациям относятся и соревнование Жихаря с Яр-Туром на выносливость (они по очереди несут царя Соломона), и их попытка узнать «Главную Цыганскую Тайну» («Краденая кобыла дешевле купленной»), и наказание Жихарем драбаданских колдунов, и мн. др.

В качестве еще одного способа развлечения читателей, не способных оценить игру с прецедентными феноменами, можно рассматривать индивидуально-авторскую манеру письма, которая проявляется на уровне изображения событий и их комментирования в комическом модусе.

Таким образом, популярность трилогии М. Успенского у читателей с разными литературными вкусами может объясняться сознательной ориентацией автора на носителей разных типов речевой культуры: элитарного, среднелитературного, разговорного. Каждого читателя привлекает что-то свое: занимательный сюжет или комичные ситуации, или разгадывание своеобразных «ребусов» - поиск интертекстуальных отсылок, или самоценная языковая игра.

Список литературы

1. **Владимирский В.** Невинная девушка с мешком золота: филологическая сказка [Электронный ресурс] // Мир фантастики. 1997–2011. URL: <http://www.mirf.ru/Reviews/review159.htm> (дата обращения: 05.08.2011).
2. **Гончаров В.** Посмеемся? Если получится... // Если. 2005. № 8. С. 267-275.
3. **Гопман В.** О пользе смерти // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 433-434.
4. **Гопман В.** Фэнтези // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 1161-1164.
5. **Ковтун Е. Н.** Художественный вымысел в литературе XX века: учеб. пособие. М., 2008. 406 с.
6. **Красных В. В.** Свой среди чужих: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
7. **Кузьмина Н. А.** Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. Омск, 2009. 228 с.
8. **Левин Е.** Семь сорок на лазерном поле [Электронный ресурс]. URL: <http://booknik.ru/reviews/fiction/?id=27809> (дата обращения: 14.07.2011).
9. **Магаева Е. Н.** Интертекстуальность в творчестве М. Успенского // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. заоч. науч. конф. Чита: Молодой ученый, 2011. С. 91-94.
10. **Неелов Е. М.** Фольклорный интертекст русской фантастики: учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2002. 124 с.
11. **Толоконникова С. Ю.** Некоторые приметы жанра иронического фэнтези // Русская литература XX-XXI вв.: проблемы теории и методологии изучения: материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 2008. С. 398-400.
12. **Успенский М.** Время Оно: романы. СПб.: Азбука, 1997. 384 с.
13. **Успенский М.** Кого за смертью посылать: роман, повесть, рассказы. СПб.: Азбука, 1998. 384 с.
14. **Успенский М.** Там, где нас нет: роман. СПб.: Terra-Азбука, 1997. 416 с.

TYPES OF PRECEDENT PHENOMENA IN TRILOGY «THE ADVENTURES OF ZHIKHAR'» BY M. USPENSKII

Korol'kova Yana Vladimirovna
National Research Tomsk Polytechnic University
korolkovatoms@yandex.ru

The author researches the types of precedent phenomena represented in the novels-fantasy about Zhikhar' by M. Uspenskii, undertakes the attempt not only to list the facts of culture, which become the object of the game for the fantast, but to typologize them, and reveals that the author appeals to the bearers' of different types of speech culture: elitist, middle literary, conversational.

Key words and phrases: comic fantasy; precedent phenomena; intertext; types of speech culture; language game.

УДК 81

Филологические науки

В статье проводится сопоставительный анализ конструкций, выражающих различие в английском и немецком языках, определяется структура микрополей различия в составе функционально-семантических полей компаративности в двух рассматриваемых языках, выделяются доминантные и периферийные конститuentы микрополей различия, а также определяются их функции. Особое внимание автор уделяет сравнительным конструкциям, характерным для обоих германских языков.

Ключевые слова и фразы: компаративность; функционально-семантическое поле; микрополе различия; конститuentы микрополей.

Кравец Ольга Владимировна, к. филол. н., доцент
Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова
olgavlad3@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ МИКРОПОЛЕЙ РАЗЛИЧИЯ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ[©]

Исследованию средств выражения, относящихся к разным уровням, служащим для передачи в языке одинаковых отношений, вернее, смыслов или значений, посвящен ряд работ, в которых подобная совокупность средств интерпретируется как поле. Так, например, М. М. Гухман в своей работе «Единицы анализа словоизменительной системы и понятие поля» дает следующее определение полю: «Подобно парадигме, поле рассматривается как определенное построение, схема, моделирующая отношения и связи реально существующие в языковой структуре. Но, в отличие от парадигмы, оно не относится к единицам определенного уровня. Межуровневый характер является, до известной степени, его ведущей характеристикой» [3, с. 54].

Обратимся к общей характеристике поля компаративности и рассмотрим его конститuentы на примере английского и немецкого языков. Слова *wie* (как), *als* (в качестве); *like* (подобный), *as* (как, в качестве), *other* (другой), *another* (иной), *different* (непохожий) принадлежат к разным частям речи. Несмотря на это, они могут быть объединены для исследования в одну группу, так как имеют общий семантический признак: